

ДЖОН ХАРТ

ТРИЛЛЕР НА ГРАНИ РЕАЛЬНОСТИ

ДЖОН ХАРТ

БЕЗМОЛВИЕ

МОСКВА
2020

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х22

John Hart
THE HUSH

Text copyright © 2018 by John Hart
Published by arrangement with St. Martin's Press.
All rights reserved.

Дизайн серии и переплета *Андрея Саукова*
Иллюстрация на переплете *Филиппа Барбьшева*

Харт, Джон.

Х22 Безмолвие / Джон Харт ; [перевод с английского
С. Н. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-105114-3

Десять лет назад жизнь Джонни Мерримона бесповоротно изменилась. Раскрыв тайну серийного убийцы, терроризировавшего округ, он стал национальной знаменитостью. Однако Джонни не хочет славы. Больше всего ему по душе уединение в Пустоши, на земле своих предков, которой они владели более двухсот лет. Здесь, в этом безмолвии, он обретает особую силу. Единственная его связь с внешним миром – старый друг Джек. Частенько он заходит в гости к Джонни в сердце заповедного леса. Однако его пугают и это место, и та сила, которая вселяется в друга. Джек чувствует: в этом безмолвии притаилось что-то по-настоящему жуткое. И если он не спасет Джонни, его не спасет ничто...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-105114-3 © Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Сейлору и Софи — потому что
есть в мире такая магия
и есть для нее такие сильные сердца*

Глава 1

Джонни проснулся в развилке дерева под бриллиантовой россыпью звезд. Он лежал в потертом нейлоновом гамаке, подвешенном на огромном стофутовом дубе. Даже здесь, в шестидесяти футах от земли, ствол был толще Джонни, а сучья, пусть и гнутые, оставались крепкими и сильными. Каждый из них он знал на ощупь: потертости от его ног и рук, угол, под которым они уходили от ствола и разветвлялись, как пальцы. Джонни мог вскарабкаться на дерево в полной темноте, прокрасться мимо гамака и соскользнуть на тонкие, прогибающиеся под его весом ветви. Оттуда ему были видны луна и лес, а еще вытянувшееся к югу болото. Это была его земля — все шесть тысяч акров, — и он знал здесь каждый ручеек и холмик, каждый темный омут и прячущуюся полянку.

Джонни не всегда спал на дереве. Была еще хижина, но в ней порой тяжело дышалось. Он построил ее сам, так что не форма и не размеры толкали его, как ветер в спину, к старому дубу на расколоте холме. Не сны, не воспоминания, не какие-то темные силы, как, может быть, подозревали некоторые. На дерево он забирался, чтобы увидеть свою землю, почувствовать связь с ней.

Дуб вырос из каменистого холмика, вставшего из болота и занявшего место в ряду ему подобных, обозначивших разделительную линию между заболоченной пустошью и бесплодной возвышенностью, врезавшейся в дальний, северный, угол округа Рейвен. Из гамака взгляд Джонни

простирался за трясины и через реку. Поднявшись еще на тридцать футов, он мог увидеть свет самого высокого здания в городе. По прямой — восемнадцать миль, а на машине все тридцать семь. Дороги на севере округа были запутанные и разбитые, и Джонни такое положение дел вполне устраивало. Чужих на своей земле он видеть не хотел и однажды даже стрелял в охотников, не пожелавших уйти, когда их попросили об этом вежливо. Он не планировал бить на поражение — в противном случае они были бы мертвы, — но черный медведь занимал особое место в сердце Джонни, и к тому же двух медведей с медвежатами уже убили прямо в берлоге. Вот почему он отметил границы и преследовал охотников с непреклонной решительностью, не позволяя себе сна. Полиция, разумеется, его точку зрения не разделяла. Как, впрочем, и суды. За той стрельбой последовали месяцы в тюрьме и настоящая буря в газетах и на телевидении. А все потому, что репортеры ничего не забыли, и для многих он так и остался темноглазым мальчуганом, прославившимся десять лет тому назад¹.

Считают ли его опасным или чудным, на то Джонни было наплевать. Другое дело — видеть тревогу на лицах родителей. Они хотели бы вернуть его в город и запереть в четырех стенах, но в глубине души понимали, что сама жизнь смела его с темных страниц юности и перенесла сюда, в это особенное место. Оно и впрямь было особенным. Джонни чувствовал это во вкусе ветра, видел в тяжелом от звезд небе, а когда вглядывался ввысь, дивясь его неумолимой глубине, к глазам подступали слезы. Под всем этим ясным и чистым белым светом лежал пурпурный лес, живший в ритме, таком же знакомом теперь Джонни, как и биение его собственного сердца.

Это место.

Его жизнь.

¹ Об этих событиях рассказывается в романе Дж. Харта «Последний ребенок».

Выбравшись из гамака, он пробрался, доверившись рукам и ногам, к тем самым тонким ветвям, которые еще держали его вес. Ствол на этой высоте был тонкий, и горизонт растянулся багровой линией, более темной на фоне всего остального. Внимательно осмотрев крону, Джонни поднялся еще выше — туда, где ствол был толщиной в два обхвата, а потом и вовсе в один. Забираться так высоко было опасно, но у Джонни имелась на то причина.

Он высматривал огонь.

* * *

Огонь в лесу вспыхивал и раньше: от лагерных костров, ударов молнии, даже от брошенной охотником сигареты. Но огни вроде этого были особенными, потому что на следующий день Джонни не находил и следа от них — ни обуглившегося прутика, ни обгоревшей травинки.

А смотрел он внимательно.

В первый раз это случилось вот так: безоблачное небо и тонкая струйка дыма. Поднявшись повыше, Джонни заметил слабое мерцание на полпути к дальнему холму, второму в ряду вершин, протянувшихся на север и запад. Три стороны склона лежали под мягким покровом сосен и невысокого кустарника; четвертая, открытая ему, являла обветренный каменный лик. Ближе к подножию, участок размером с городской квартал занимали булыжники и галька, и вот из этого отвала поднимались отвесные стены и засыпанные щебнем склоны, потом шли нагромождения камней и куртины деревьев, а еще дальше, вырвавшись на волю, возносилась покоренная гранитная стена. Вот там, на исхлестанных непогодой гранях, и мерцали огоньки.

За три года он видел их одиннадцать раз. Этот был двенадцатый, и теперь Джонни вел наблюдение. Между камнями и булыжниками вверх по разбитому склону бежали, пересекаясь, раздваиваясь и теряясь, тропинки. Запутаться здесь было нетрудно, так что он мысленно

промерил углы и направления и проложил маршрут, после чего быстро и уверенно спустился вниз, пролетел последние восемь футов и, выпрямившись, побежал. Босой, в обрезанных джинсах, без рубашки. Но подошвы давно задубели, а годы в темном лесу отточили зрение. Да и ночь выдалась не такой уж темной. В небе мигали звезды, а за рекой, вдалеке, поднялся полумесяц. И все равно для большинства людей передвижение с такой скоростью оказалось бы невозможным, но когда Джонни бежал, он бежал по-настоящему.

Быстро, не жалея сил.

Тропинка привела к реке, а за ней Джонни продолжил путь вдоль гребня, который привел его ко второму холму, подъем на который потребовал усилий, но не занял много времени. На вершине он остановился и взглядом поискал дымок. Ветер дул в нужную сторону, и в какой-то момент Джонни подумал, что опоздал, что огонь погас, а тот, кто развел его, ушел. Такое случалось и раньше — внезапная потеря следа, — и каждый раз им овладевало желание отбросить осторожность и ринуться куда глаза глядят, вслепую, наугад. Огонь казался загадкой, а разведший его — призраком. Но жизнь в лесу приучает не только к быстроте и постоянной готовности. Терпение, скрытность, простая вера — Джонни доверял своим чувствам.

И тот, кто развел огонь, призраком не был.

* * *

Дымок поднимался из последней долины; ветер нес запах древесной золы и горелой смолы. Подобравшись к краю деревьев, Джонни увидел открытую площадку и нагромождения скатившихся камней у подножия холма. Местами эти камни образовывали причудливые формы, напоминающие купола соборов. Между и за ними пробегали узкие и путанные тропинки; он несколько раз прошелся взглядом по темным линиям, прорезанным между деревьями и через завалы щебня в нижней части склона.

Другие тропинки, выше, были едва заметны в лунном свете и могли быть не тропинками даже, а просто выступами. Джонни искал огонь на склоне, но ничего не обнаружил.

«Выше, — подумал он, — ближе к восточной стороне, чем к западной».

Проблема заключалась в том, что огонь как будто перемещался. В прошлом месяце он был выше и дальше к западу, а до этого обосновался в самом центре, над оползнем, формой напоминавшим перевернутую букву V. Джонни преодолел последний участок пересеченного рельефа и выбрал для подъема главную тропу между камнями. Миновав три развилки, он едва не уткнулся в камень. Тропинка сузилась, стало тесно. Джонни втянул плечи и провел пальцами по стенам, покрытым тонким, как пергамент, слоем шерстинок, оставленных здесь за многие годы медведями, койотами и оленями. За последним поворотом камень уходил вверх, образуя укромное местечко, возможно существовавшее в неизменном виде со времен зари человечества. Джонни посмотрел вверх и через узкую щель увидел полоску бледных звезд. Дальше он взял вправо и вверх и оказался на гребне под последним поясом леса. Никаких признаков огня.

— Ну ладно.

Джонни прошел через деревья к каменистой осыпи у основания холма. Поднимаясь по оползающему щебню, дважды падал. А когда минут через десять посмотрел вниз, голова закружилась от внезапно нахлынувшего ощущения — что-то не так. Слишком много пространства, слишком много багровых камней и пустого воздуха. Присмотревшись, Джонни заметил, что полоска леса, которой следовало быть под ним, каким-то непонятным образом сместилась влево, словно на него нашло вдруг затмение и он, сам того не сознавая, поднялся на сотню ярдов. Еще раз огляделся по сторонам, пытаясь точнее определить свое местоположение. Получилось выше и правее, чем по его расчетам.

Ладно, пусть так. Какие проблемы.

Так, да не так. Склон был слишком крутой, щербень уходил из-под ног, и Джонни шел словно по чешуе. Выше, примерно в сотне футов, виднелась роца из дубов и сосен. Тропинка за ней тянулась вдоль основания отвесной скалы и уходила, петляя, к следующим один за другим уступам и едва виднеющейся за ними вершине. Поднявшись слишком высоко и отклонившись слишком далеко вправо, Джонни оказался на том участке склона, который был опасен и который он хотел обойти. «Обычное дело, — сказал он себе. — Просто ошибся. Поторопился на подъеме, не учел, что в четыре часа утра не все выглядит так, как днем». Джонни повторил это объяснение, но и сам себе не поверил. Потому что поднимался по этому склону семь раз — и не сталкивался ни с какими проблемами.

И вот те на...

Осторожно, шаг за шагом, Джонни попытался убраться с откоса, высматривая камни покрупнее как более надежную опору. Двигаясь поперек склона, он продвинулся на двенадцать футов, когда нога поскользнулась, и из-под нее ушли двадцать футов камня. Джонни почувствовал это — и в следующий момент сам ухнул вниз. Грохот, какой бывает от грузового поезда, ударил в уши, а воображение подбросило картину: сотни футов почти вертикального склона, потом деревья и камни, лавина щербня, достаточно тяжелая, чтобы похоронить его заживо.

Но Джонни не умер...

Пролетев пятьдесят футов, он врезался во что-то и остановился, побитый, окровавленный и наполовину засыпанный. Не сразу, через боль, попытался определить, есть ли у него еще шанс умереть. Склон вверху вымело начисто. Груда камней вокруг наткнулась на преграду — мощный скальный выступ высотой в два фута, за которым ждал смертельно отвесный обрыв.

Джонни посмотрел влево-вправо. Ему не хватило совсем немного, фута или, может быть, нескольких дюймов.

Рассвет румянил деревья, когда Джонни приковывал к крохотной приземистой хижине. Кровать стояла возле сложенного из камня камина, и он свалился на нее мешком боли.

Проснулся Джонни через три часа и, бросив в угол одежду, пошел к ручью — смыть грязь и кровь. Потом перевязал самые глубокие порезы, надел джинсы и рубашку и натянул ботинки. Возле двери заглянул в зеркало размером четыре на четыре дюйма. Глаза, смотревшие на него оттуда, были неподвижны, как стекло, а взгляд так тверд, что лишь немногие выдерживали его более-менее долго. В свои двадцать три года он не улыбался без причины и не тратил время на людей, которых находил неискренними. Сколько можно слушать одни и те же вопросы?

Ты как, сынок?

В порядке? Держишься?

Десять лет он терпел тот или иной вариант одной и той же бессмысленной фразы, зная, что люди выискивают течения более темные, невидимые, глубинные.

Что ты видел в тех жутких местах?

А у тебя мозги там не перевернулись?

То были люди, которые шли на риск увидеть тьму в глазах Джонни, люди, которые задавали вопросы и всматривались в самую глубину этих глаз, надеясь увидеть, пусть на мгновение, того мальчишку, каким он был, ту неукротимость, боевую раскраску и пыл.

Тридцать минут спустя Джонни вышел из хижины и повернул на юг, через болото, а оттуда — по узким сухим тропинкам, к развалинам поселения, принадлежавшего когда-то освобожденным рабам и их потомкам. Большая часть построек сгнили и развалились, но несколько все еще держались. Когда люди спрашивали о Хаш Арбор, они имели в виду именно это: кладбище, старые дома, висельное дерево. Лишь немногие представляли действительные размеры поселка.

Открыв замок на одном из сараев, Джонни выкатил оттуда на грузовичке полувековой давности, выкрашенном белой краской и изрядно помятом. От сарая до металлических ворот было две мили. Проехав дальше, он свернул на шоссе, включил радио и покрутил ручку настройки. Ни госпел, ни радишоу, ни местные спортивные новости его не заинтересовали. В самом низу частотной шкалы обнаружилась классическая станция из Дэвидсонского колледжа, которую он и слушал до тех пор, пока за холмистой грядой не появился город. Джонни знал в нем каждый уголок, каждый район, каждый памятник, каждую мостовую и даже каждую трещину в асфальте. За три сотни лет своего существования округ Рейвен видел немало конфликтов и пережил немало потерь. Его сыновья уходили на войну и умирали. Он получил свою долю волнений и депрессий; некоторые части города поглотил огонь.

Проехав мимо здания суда, Джонни остановился перед светофором. Люди за окном держались за руки, смеялись и любовались собственным отражением в полированном стекле. За следующим кварталом он прижался к бордюру напротив прилепившегося к тротуару старого скобяного магазинчика. Собравшиеся у витрины женщины рассматривали цветы в горшочках, помидоры и деревянные подносы с выложенными на них бобами, кукурузными початками и персиками. Никто не заметил Джонни, пока тот не вышел из кабины. Потом увидевшая его первой молодая женщина удивленно моргнула, а за ней внимание на него обратила еще одна. Когда Джонни проходил мимо, его сопровождали уже четыре пары глаз. Может быть, дело было в том, как он выглядел, а может быть, в его с городом истории. Так или иначе, Джонни прошел мимо, ни на кого не глядя, толкнул дверь и посмотрел на старика за накрытым стеклом прилавком в задней части магазина.

— Джонни Мерримон... Доброе утро.

— Доброе утро, Дэниел.

— Извини, тебя там целый комитет встречает... Как героя. — Дэниел наклонил голову в сторону витрины. — Две

из них очень даже симпатичные и твоего возраста. Может, не стоило так решительно проноситься мимо?

Джонни кивнул, но не ответил. Не то чтобы ему не нравились красивые девушки — нравились, — но покидать Хаш Арбор он не собирался, а женщин, которым интересна жизнь без электричества, телефона и воды из крана, не очень-то много. Впрочем, Дэниелу, похоже, не было до этого никакого дела. Помахав дамам за стеклом, он пере-направил свою восьмидесятиваттную улыбку на Джонни.

— Итак, юный мистер Мэрримон, чем могу помочь вам в этот чудесный день?

— Только патронами.

— У меня на заднем дворе новенький внедорожник. Могу предложить хорошую сделку.

— Мне нужны только патроны.

— Что ж, вполне справедливо. Хорошо, когда мужчина точно знает, что ему требуется. — Старик открыл замок и достал коробку с двадцатью патронами «Винчестер» калибра .270.

— Двенадцатый калибр тоже?

— Как всегда.

— Так, теперь птичья дробь... Номер семь.

Дэниел поставил на стекло две коробки, и на макушке у него взметнулся хохолок белых волос.

— Что еще?

— Этого достаточно.

Джонни, по давней привычке, заплатил ровно столько, сколько требовалось, и уже взял обе коробки, когда Дэниел заговорил снова.

— Тут твоя мать о тебе спрашивала. — Джонни остановился и повернулся вполоборота. — Знает, что ты заходишь, что бываешь каждый месяц. Не мое, конечно, дело...

— Верно.

Старик поднял руки и качнул головой из стороны в сторону.

— Знаю, сынок, и я не из тех, кто вмешивается, — надеюсь, с этим ты согласен, — но она приходит, спрашивает